

НАЧАЛО НЕОЛИТА В ПРИАМУРЬЕ

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Переход от палеолита к неолиту традиционно относится к числу наиболее актуальных тем в археологии, в том числе дальневосточной. Первоначально данная проблематика разрабатывалась в русле тех теоретических положений, которые предлагала общая археология, т.е. на базе понятия «мезолит» [Окладников 1977; Деревянко 1983; Мезолит СССР...: 185 и др.]. Однако отношение исследователей различных регионов к данному подразделению археологической периодизации в целом отличается неоднозначностью вплоть до отрицания самой целесообразности его выделения [Лыньш 1991]. В частности, на Дальнем Востоке, как очень скоро стало понятно, традиционные для мезолита Европы критерии применить довольно сложно.

Во-первых, дальневосточные каменные индустрии с их микропластинчатым и бифасиальным компонентами отличались от микролитических европейских. Во-вторых, индустрии данного облика сформировались в верхнем палеолите и существовали длительное время вплоть до начала голоцена при очевидных признаках технологической преемственности. В-третьих, настоящий переворот во взглядах исследователей произвело открытие финально-плейстоценовых памятников с керамикой и другими «неолитическими» признаками, что привело к утверждению точки зрения о необычно раннем генезисе неолита на дальневосточных территориях. В итоге большинство специалистов отказалось от понятия «мезолит» применительно к Дальнему Востоку. Вместо него распространилось более нейтральное «переходный период от палеолита к неолиту», а периодизация каменного века Приамурья в соответствии с новыми реалиями была дополнена наиболее ранним перио-

дом эпохи неолита – начальным неолитом. Оба данных понятия применяются к археологическим комплексам одного и того же времени: финала плейстоцена – начала голоцена, в основном датированным в интервале 13000-9000 л.н. [The Origin of Ceramics... 1995; Медведев 1995; 2008 б; Васильевский и др. 1997; Деревянко и др. 1998; Гарковик 2005; Василевский 2008: 139-144 и др.].

Рассматривая соотношение двух данных понятий, необходимо отметить, что одним из важных признаков указанного хронологического периода на юге Дальнего Востока России является существование памятников, которые исследователи относят к позднему или финальному палеолиту, и тех, которые интерпретируются уже как начально-неолитические [Деревянко и др. 1998; Кузьмин 2003; Гарковик 2005 и др.]. К числу первых относят устиновскую и селемджинскую культуры, к числу последних – осиповскую и громатухинскую¹.

Самый общий анализ памятников указанных культур позволяет выявить в них как элементы сходства, так и существенные различия. Первые проявляются в наличии в их каменных индустриях черт, восходящих к верхнепалеолитическим традициям, единым для востока Азии. Прежде всего это микропластинчатый и бифасиальный компоненты. Различия же в том, что в селемджинской и устиновской культурах мы наблюдаем литокомплексы, полностью сохраняющие верхнепалеолитические черты и отмеченные лишь отдельными неолитическими инновациями, а в громатухинских и осиповских памятниках – материалы

---

¹К неолитоидным относится также памятник Устиновка-3

определенно неолитоидные. Рассмотрение имеющихся данных об их хронологическом соотношении дает возможность, по нашему мнению, конкретизировать представления о переходном периоде от палеолита к неолиту.

Проблема заключается в том, что хронологическое соотношение указанных культур имеет некоторые противоречия. Во-первых, это относится к селемджинским и громатухинским памятникам Среднего Амура. Авторы концепции селемджинской культуры разделяют ее на четыре этапа в пределах от 25 до 10,5 тыс. л.н. Определение возраста заключительного четвертого этапа в интервале 12-10,5 тыс. л.н. сделано на основе стратиграфических и типологических данных без использования радиоуглеродных дат [Деревянко, Зенин 1995]. Между тем вполне очевидно, что указанный интервал накладывается на время существования громатухинской культуры, фиксируемое датами Громатухи. Учитывая, что обе культуры занимают одну территорию (расстояние между основными памятниками обеих культур Громатухой и Усть-Ульмой-1 всего 35 км) и исследователи говорят об их генетической связи, приходится предполагать, что селемджинские комплексы не могут быть моложе 12-13 тыс. л.н.

Во-вторых, аналогичная ситуация складывается и с соотношением устиновской и осиповской культур Нижнего Амура и Приморья. Устиновская культура ныне представлена в большом числе исследовательских работ, в том числе монографического характера [Кузнецов 1992; Васильевский и др. 1997; Крупянко, Табарев 2001; Охотники-собиратели... и др.]. Однако ее хронология разработана пока недостаточно хорошо и является предметом дискуссий, поскольку для разграничения ее комплексов лишь в единичных случаях возможно использовать стратиграфию памятников, а фонд абсолютных дат невелик.

В развитии культуры также выделяют этапы, их количество и временные границы трактуются исследователями по-разному, но характерной чертой всех хронологических схем является наложение устиновских датировок на осиповские [см., напр.: Кузнецов 1992; Крупянко, Табарев 2001; Кононенко 2001; Охотники-собиратели... и др.]. Между тем единственный памятник, определенно отнесенный к финалу палеолита и для которого имеются результаты радиоуглеродного датирования, это стоянка Устиновка-6. Получены даты 11550 ± 240 (ГЕО-1412) и 11750 ± 620 (СОАН-3538) [Кононенко 2001]. В комплексе с данными палинологии они позволили авторам раскопок датировать памятник рубежом раннего дриаса и аллерада, т.е. около 11,8 тыс. л.н. [Там же: 53].

Отметим, что приведенные даты вряд ли можно считать удовлетворительными из-за большого среднеквадратического отклонения. Но они позволяют надеяться, что хронологическая грани-

ца между палеолитическими и неолитическими комплексами Приморья близка тому же примерному рубежу, что мы предполагаем для Среднего Амура.

С другой стороны, для памятников восточного фаса Сихотэ-Алиня (в долине Зеркальной) некоторая консервация палеолитических традиций на фоне ранней неолитизации культур амурского бассейна была бы вполне ожидаемой. То же можно сказать и для юго-запада Приморья, где расположена другая большая группа стоянок, относимых к устиновской культуре. Это вполне объяснимо тем, что древнее население перечисленных территорий находилось в стороне от событий в Приамурье. Но вряд ли такая консервация в свете тех же событий могла быть столь длительной, как полагают исследователи устиновской культуры, датирующие ее ранним голоценом [Кузнецов 1992; Дьяков 2000]. На это, в частности, указывают и результаты исследования стоянки Устиновка-3. Поэтому пока наиболее близкой к истине выглядит позиция тех исследователей, которые ограничивают финал палеолита Приморья рубежом 10,5 тыс. л.н. [Крупянко, Табарев 2001: 85-86; Кононенко 2001 и др.], при высокой вероятности его удреждения.

Важным обоснованием наших предположений относительно верхней границы палеолита амурского бассейна является анализ материалов двух других памятников. При их раскопках получено относительно небольшое количество материала, но их очевидная ценность заключается в надежности археологического контекста и обеспеченности сериями радиоуглеродных дат.

Один из таких памятников расположен в бассейне Среднего Амура – это стоянка Малые Куруктачи-1 на Бурее [Древности Буреи...: 60-69]. При ее раскопках хорошо документированы микропластинчатая техника на основе расщепления клиновидных нуклеусов на бифасах, бифасиальный компонент, имеется также один хорошо диагностируемый резец. Основная масса артефактов (90%) связана с расщеплением местного галечного сырья на основе нуклеусов подпризматического и радиального принципов расщепления, с получением отщепов и сколов как заготовок для орудий. Крупных пластин не обнаружено, но наличие навыков их получения предполагается.

Исследователь памятника А.В. Табарев, сравнивая его с известными комплексами Приамурья и Приморья, не дает ему однозначной культурной идентификации. Анализ всей совокупности данных приводит его к выводу о том, что памятник, во-первых, однослойный и однокультурный, во-вторых, относится ко времени начальной фазы одного из межстадиалов позднеледникового времени [Там же: 61, 69].

Большой интерес представляет серия из шести кострищ, обнаруженных в Малых Куруктачах, а также девять радиоуглеродных дат в интервале

14200-10125 л.н., полученных по образцам угля. Две поздние даты – моложе 11000 л.н. – самым автором раскопок считаются не относящимися к культурному комплексу [Там же: 68-69]. По нашему мнению, дата 11355±370 (AA-3591) также может быть «отсеяна» из-за большого среднеквадратического отклонения. Остальные даты укладываются в интервал около 14200-11730 л.н. Для нашего исследования важна верхняя половина данного интервала. Она может быть сопоставлена с ранним дриасом – переходом к аллереду, который согласно палеогеографическим исследованиям на Дальнем Востоке относится примерно к 12 тыс. л. н. [Короткий и др. 1997; Короткий 2001]¹.

Другой памятник – Голый Мыс-4 – расположен в северо-восточной части Нижнего Приамурья, на южном берегу крупного озера Удыль [Шевкомуд, 1994; Шевкомуд, Като 2002]. Узкий, длинный и высокий (порядка 15-20 м) мыс, далеко выступающий в озеро, обеспечивал хороший обзор окружающей долины. На нем были исследованы остатки небольшого охотничьего лагеря. Палеолитические комплексы занимают небольшую площадку, образованную скальными выступами. В ее пределах выявлено не менее 16 очажных пятен-линз. Каменные артефакты обнаружены в основном в пределах указанной площадки около кострищ. Прежде всего, хорошо документируется наличие техники получения крупных пластин с нуклеусов параллельного скалывания, а также отщепов и пластинчатых заготовок, получаемых при расщеплении галек. Очень индикативны заготовки нуклеусов торцового принципа скалывания с грубой обработкой латералей сколами, по облику близкие к клиновидным. Имеется одна микропластина. Бифасиальная техника не проявляется. Орудия оформлены на пластинах и отщепах приемами краевого ретуширования.

Использование галек для получения заготовок орудий достаточно характерно для палеолита Дальнего Востока, в частности для памятников на Селемдже. Но необходимо указать на сходство комплекса Голого Мыса-4 с памятниками устиновской культуры, а также с материалами стоянки Огоньки-5² на Сахалине [Василевский 2008: 104-113], где были найдены аналогичные крупные ретушированные пластины и нуклеус торцового принципа скалывания.

Следует специально подчеркнуть, что никаких сколько-нибудь существенных параллелей с индустрией осиповской культуры каменный инвентарь стоянки Голый Мыс-4 не имеет, наоборот, это типично палеолитический памятник. Большой интерес представляют результаты его радиоуглеродного датирования. Образцы древесного угля были отобраны из разных очагов. AMS-даты следующие: 12925±65 (AA-36277), 12680±65 (AA-36278), 12610±60 (AA-36279), 12360±60 (AA-

36281). Радиоуглеродный возраст стоянки можно определить в основном в пределах 13-12,3 тыс. л.н., т.е., как и в Малых Куруктачах, ранним дриасом – переходом к аллереду.

Материалы стоянок Малые Куруктачи и Голый Мыс-4 важны прежде всего тем, что они подтверждают факт действительного сосуществования на территории Приамурья памятников с явными неолитическими признаками (осиповской и громатухинской культур) и памятников с типичной палеолитической индустрией. Данное явление прослеживается примерно в интервале между 13-12 тыс. л.н. Кроме того, надежные радиоуглеродные даты этих двух стоянок, по всей видимости, определяют рубеж около 12 тыс. л.н. как верхнюю границу существования палеолитических культур. Тот же рубеж, как указано нами выше, наиболее вероятен в качестве верхней границы селемджинских комплексов.

Если наши рассуждения верны, это значит, что переходный период от палеолита к неолиту в Приамурье имел более узкие хронологические границы и закончился примерно 12 тыс. лет назад. После этого доминирующей тенденцией становится уже неолитизация региона и можно говорить об эпохе неолита в бассейне Среднего и Нижнего Амура. Важно подчеркнуть, что этот хронологический рубеж примерно соответствует началу потепления аллереда. Здесь вполне уместно будет заметить, что близкая ситуация фиксируется также и на островах Японского архипелага, где с началом потепления аллереда связан существенный рост количества памятников периода Insipient Jomon, хотя появились они, как и в Приамурье, в более раннее время [Imamura 1996; Kokai-shinpojium...; Beginning of the Jomon...].

Далее следует остановиться на характеристике обстоятельств, которые могли способствовать ранней неолитизации в бассейне Амура. Совокупный анализ памятников осиповской культуры, а также данных палинологии и палеогеографии позволяет наметить некоторые из них.

Во-первых, можно говорить о том, что финал плейстоцена в Нижнем Приамурье сопровождался достаточно интенсивными потеплениями, особенно в аллереде, когда на 48° с.ш., в том числе и в осиповском ареале, возникали участки хвойно-широколиственных лесов с участием таких отно-

¹ Авторы монографии «Древности Буреи» интерпретируют результаты палинологических анализов стоянки Малые Куруктачи-1, используя палеогеографические данные по Сибири, и относят ее к первой половине кокоревского потепления, возможно, к новомаранскому межстадиалу [Древности Буреи...: 33-36, 69]. В настоящей работе эти результаты адаптированы к палеоклиматическим данным, изложенным в работах по Дальнему Востоку.

² Авторы выражают благодарность д.и.н. А.А. Василевскому за возможность ознакомиться с коллекциями памятников о. Сахалин.

сительно теплолюбивых видов, как дуб монгольский и орех манчжурский.

Во-вторых, обращает на себя внимание специфика палеогеографической ситуации, сложившейся в конце плейстоцена в бассейне Амура к востоку от Малого Хингана. Из-за существенной обводненности и заболоченности эта обширная территория – в основном Среднеамурская низменность – была мало пригодной для обитания как человека, так и крупных видов позднплейстоценовой фауны, что не способствовало широкому расселению здесь носителей палеолитического охотничьего уклада. Пешее передвижение их вдоль берегов Амура представляется непростым делом из-за наличия крупных заливов, болот и «палеозер». Возможно, поэтому в осиповском ареале до сих пор известны лишь единичные артефакты палеолитического облика, хотя специальные поиски памятников палеолита здесь предпринимались, и имеющиеся литоресурсы вполне приемлемы для их существования. Примерно аналогичные результаты показали и многочисленные разведочные исследования на всем протяжении бассейна Нижнего Амура [Окладников 1980; Шевкомуд 2001 и др.]. По всей видимости, палеолитическое население предпочитало осваивать горно-долинные районы Сихотэ-Алиня и других хребтов, в частности на севере Приамурья, где и расположен основной селенджинский ареал.

Однако для развития неолитических присваивающих форм хозяйства ситуация, сложившаяся в конце плейстоцена на территории современной Среднеамурской низменности, была, напротив, практически идеальной. Показательно, что в месте слияния Уссури и Амура сосредоточено около 80% всех известных на сегодня осиповских памятников. Район этот представлял в то время своего рода «архипелаг» – достаточно обширные по площади острова и полуострова, вполне пригодные для обитания человека и окруженные огромным водным зеркалом. На один километр берега здесь приходилось до десяти и более осиповских стоянок. Можно без преувеличения говорить о том, что на этом участке долины Амура был заселен практически каждый имеющийся в рельефе высокий мысовидный выступ вдоль древней береговой полосы. Осиповское население определенно стремилось в этот район, несмотря на ограниченность мест обитания и, очевидно, осознавая все его преимущества.

Акватория вокруг этого «архипелага» не могла не изобиловать водными биоресурсами, в том числе таким регулярным продуктивным и сравнительно несложным в добыче, как лососевая рыба. Важность лососевого ресурса для феномена ранней неолитизации была показана в серии научных работ по югу Дальнего Востока, где представлено достаточно примеров из различных территорий Северной Пацифики об эффективности палеоэконо-

мики, основанной на промысле рыбы лососевых пород (Васильевский и др. 1997; Крупянок, Табаров 2001; Кононенко 2001; Охотники-собиратели... и др.). В то же время обширность площадей определенных выше геоархеологических районов с их, вероятно, богатыми охотничьими угодьями, фауной и флорой способствовала сохранению традиционных форм хозяйства – охоты и собирательства, что расширяло возможности для адаптации древнего населения. О значительной роли охотничьего промысла свидетельствует наличие в осиповских комплексах обширного набора орудий охоты и переработки ее продуктов.

В-третьих, еще одним важным фактором, который привлекал осиповское население к месту слияния Амура и Уссури, является наличие здесь больших запасов легкодоступных литоресурсов. Этот фактор нельзя недооценивать. Галечные и глыбовые россыпи, содержащиеся в рыхлых отложениях террасовидных поверхностей вдоль берегов Амура, служили основным источником каменного сырья для осиповских культураносителей, что прослежено почти на всех памятниках центральной части ареала культуры. В связи с этим отметим, что на продолжительных участках берега Амура, где каменное сырье отсутствовало, памятники осиповской культуры не обнаружены.

Таким образом, на формирование феномена ранней неолитизации в Нижнем Приамурье, с нашей точки зрения, мог повлиять целостный и в своем роде уникальный комплекс объективных взаимодействующих факторов: благоприятные климатические изменения (как в большинстве регионов Азии и в Европе), последствия специфических процессов развития амурской долины в конце неоплейстоцена, в результате чего образовался своеобразный «водно-островной мир», наличие практически неисчерпаемых и несложных в освоении и эксплуатации ресурсов, важных для жизнеобеспечения и успешного развития древних сообществ.

Феномен неолитизации иллюстрируется целым рядом признаков, проявляющихся в осиповских памятниках. Во-первых, инвентарный комплекс осиповской культуры имел уже почти полностью сформировавшийся неолитический облик. Здесь, на наш взгляд, важно не столько присутствие в нем отдельных неолитических новаций (наконечников стрел, топоров и тесел, ножей, грузил, технологий шлифования, пикетажа, сверления, изготовления керамики), сколько то, что все они представлены уже в наборе, который к тому же является обычным для осиповских памятников, что и отличает

¹Важная для нашей темы находка остатков мамонта была сделана на стоянке Сяонаньшань на р. Уссури, южнее Среднеамурской низменности. Радиоуглеродная дата по ним 12900 ± 410 (PV-0179) имеет большое среднеквадратическое отклонение, но можно надеяться, что она соответствует времени перехода от палеолита к неолиту в Приамурье [Орлова и др. 2000].

сформировавшуюся традицию от формирующей-ся. Кроме того, показательное присутствие в осиповских комплексах целой серии устоявшихся морфологических типов новых категорий изделий из камня (наконечников стрел, рубящих орудий, грузил и др.). Керамика представлена в многочисленных образцах и на всех раскопанных памятниках, при этом ее технико-типологические признаки выглядят достаточно развитыми.

Во-вторых, как признак неолитизации обращает на себя внимание, прежде всего, явное изменение в стратегиях жизнеобеспечения осиповского населения по сравнению с их палеолитическими предшественниками и соседями. Островной или полуостровной образ жизни, надо полагать, не позволял обойтись без водного транспорта, способствовал развитию рыболовства, формированию оседлости, приводил к повышенной концентрации населения. С развитием рыболовства экономика осиповцев приобретала комплексный характер. При этом она была достаточно эффективной для развития культуры. Успешность стратегий обеспечения осиповских культураносителей отражена в многочисленности и высокой концентрации памятников, долговременности существования культуры и ее прогрессивной динамике, вероятно, в благоприятной демографической ситуации.

В-третьих, важным признаком формирования нового образа жизни стало появление жилищ, построенных на основе котлована – традиционного маркера неолитических культур в бассейне Амура [Деревянко 1991]. На памятниках Новотроицкое-10, 17 обнаружены жилища, которые со всей очевидностью отражают начальный этап формирования неолитической домостроительной традиции. Это подчеркивается не только их присутствием лишь на отдельных осиповских памятниках, но и общей неопределенностью и аморфностью форм строившихся котлованов [Naganuma et al. 2005; Шевкомуд, Яншина 2010 а].

В-четвертых, существенные подвижки, по-видимому, стали происходить и в духовной сфере осиповской культуры. Отражением этого является наличие в структуре осиповских поселений объектов, имевших культовый и/или ритуальный характер.

На первый взгляд, осиповская культура со всеми ее вышеперечисленными признаками появляется в практически незаселенном ранее месте, внезапно и в сложившемся, «готовом» виде, демонстрируя довольно существенный разрыв с традициями предшествующих и сосуществующих с ней верхнепалеолитических культур. Но данные по ее внутренней хронологии, несмотря на их неполноту, свидетельствуют о последовательном, хотя и довольно динамичном формировании ее неолитического облика – от ранних комплексов в поселениях Гася и Хумми до позднего комплекса горизонта ЗБ в Гончарке-1. Ранние комплексы с тех-

нико-типологических позиций в наибольшей степени приближены к предшествующему палеолитическому субстрату, на основе которого сформировалась осиповская культура. Материалы горизонта ЗБ Гончарки-1 демонстрируют уже несомненно неолитический комплекс инвентаря. Таким образом, осиповские памятники, безусловно, отражают хронологические этапы развития культуры, по-видимому, соответствующие периодам климатостратиграфической шкалы Дальнего Востока: раннему дриасу, аллереду и позднему дриасу. Имеются данные и о раннеголоценовом этапе развития культуры [Шевкомуд 2005 а: 188]. Однако необходима еще длительная исследовательская работа, чтобы достоверно очертить технико-типологический облик и другие характеристики отдельных хронологических этапов осиповской культуры.

Следует заметить, что хронологическая динамика осиповской культуры проявляется не просто в изменении технико-типологического облика ее каменного инвентаря и керамики от этапа к этапу, а путем добавления новых типов, признаков, технологий к традиционно существующим. Подобное сочетание древней консервативной основы и неолитических новаций, по нашему мнению, можно рассматривать как признак культурной стабильности осиповского общества, которое эволюционировало, по-видимому, в основном под влиянием внутренних социально-экономических факторов, а не изменялось в результате внешних воздействий. Это, разумеется, не исключает межкультурных контактов, обмена сырьем, технологиями и т.п., что с наибольшей вероятностью фиксируют выявленные «обсидиановые» связи.

К сожалению, из-за ряда источниковедческих проблем трудно приобщить к вопросу о ранней неолитизации среднеамурские материалы. Скорее всего, они демонстрируют несколько иной ход развития событий при переходе от палеолита к неолиту. Поскольку громатухинские литокомплексы обнаруживают явное сходство с индустрией селемджинской культуры и ареалы двух культур совпадают, то можно предполагать, что на Среднем Амуре неолитизация шла по пути непосредственной трансформации палеолитического комплекса в неолитический.

На сегодняшнем уровне исследований сложно ответить и на вопрос, насколько взаимосвязанным был процесс сложения в бассейне Амура двух первых культур начально-неолитического облика – осиповской и громатухинской. На фоне их общей хронологии и выявленных нами существенных различий в их керамических традициях и каменных индустриях скорее складывается впечатление о независимости их формирования. Примерно в то же самое время неолитоидные памятники появляются на островах Японского архипелага, а также в Северном Китае и на других территориях востока Азии [Алкин 2000: 7-10; The Nature...]. Учи-

тывая все данные можно, по-видимому, говорить о довольно широком фронте неолитических трансформаций, затронувших в конце плейстоцена население указанного региона.

Осиповская культура не могла не оказывать влияние как на синхронные с нею, так и на последующие памятники и культуры Дальнего Востока. Следы такого влияния прослежены в комплексе сходного по хронологии приморского памятника Устиновка-3, сформированного, вероятно, на основе сплава устиновской палеолитической и осиповской традиций, в материалах кондонской и

руднинской культур ранней поры среднего неолита, а также в комплексе мариинского типа. Многие признаки осиповского керамического производства проявились в керамических традициях голоценовых культур неолита. При этом на Среднем и Нижнем Амуре и в Приморье пока не отмечено признаков влияния громатухинской керамической традиции. Таким образом, осиповский феномен, безусловно, явился той основой, на которой происходило формирование последующих неолитических культур восточной части Приамурья и сопредельных ей территорий.